• **Окончание. Начало на 4–5-й стр.**

Пространные причитания лирической героини Марковой отличаются ложной поэтизацией, сплетающей в пестрый венок и «мертвенных сестер», и «цветные швы», и «рисунок мертвой головы», и, конечно же, «невидимые сети», раскинутые в таком же таинственном пространстве: «Это где-то совсем нигде».

Такое впечатление, что все эти образы то ли вышли из сна, то ли созданы во сне, не приходя в сознание (слово «сон» – одно из любимых у поэтессы). Если лирическая героиня Марковой не проснется, то может сбыться и вот это ее предсказание:

Который день, второй?.. За шум
благодарю я,
Ложусь в свою постель, как в белую
листву,
Голубку сна легко и бережно целую
И по реке времен в забвение плыву.

Ната Сучкова, «прославившаяся» в свое время публикацией следующих стихов:

Я думала, их уже не существует,
но вот они здесь – салют! –
берёзы, в которых девчонки курят,
в которых мальчишки пьют.
Такие же тонкие, с белою кожей –
тычинки и волоски,
берёзы, в которые тыкали ножик
и вдруг обнимали с тоски.
Свидетели бурных районных разборок –
нередких, увы, по пьяни,
свидетели громких ночных разговоров
и нюханий всякой дряни.
И если здесь что-нибудь с ними сравнится,
то только – приятель, дай пять! –
кусты, куда девочки бегают писать
и ходят мальчишки ссать.

– и в альманахе продолжает ту же линию. Правда, в первых двух стихотворениях у автора слышны явные интонации Бродского, но без глубины, свойственной знаменитому поэту. Рассуждения о смерти не имеют метафизического контекста, преобладает бытовой:

Хорошо да сладко спати, не боясь мертвых,
В старом бабкином халате, на грудях
протертом.

В стихах Сучковой много неточных рифм, говорящих о поэтической неряшливости: «тянут – встану», «порядок – грядки», «облезли – балбеса», «наглядно – непорядок», «страна – Маршака», неопрятной лексики: «младой дебил», «пой, дурдом», даже целых строф, сотканных из странных ассоциаций («На башенном кране написано «РЖЕВ...»).

Лексике подростковой шпаны соответствует и поведение: герои стихотворений Сучковой постоянно курят («Родопи», «Волгобалт»), дурачатся, кривляются, ругаются («скотина-Вася!») и даже сквернословят: «Что тут, ёпта, такое?!»

Елена Титова в статье о современной поэзии Вологодчины (стр. 421 альманаха) данный социальный слой называет «пацанской богемой» (?) и видит в этих поэтических высказываниях позицию «современного молодого человека, отрицающего любые крайности бытия, пристально всматривающегося в негероическую повседневность и в ней обретающего опору мировосприятия».– ???

Реализм в поэзии Сучкова воспринимает однобоко, но беда даже не в ее искаженном понимании, а в том, что такими текстами будет портиться вкус молодых читателей (альманах предлагают распространять в школах!).

Андрей Таюшев в своих стихах подхватывает эстафету у Сучковой: «Императрица Анна от скуки (сука!) схватив ружье...» Свою поэтическую книгу 2015 года он назвал «Об Пушкина» – поразительная глухота к слову...

Словесная глухота свойственна и стихотворениям Павла Тимофеева: «Харю хмурю, черный чай цежу сквозь зубы...», «Да луна в окошко пялится, как дура...», «У двух шкафов любовь была – такие вот дела...» Стихотворения для детей – из того же ряда:

Распрекрасная картина!
Расписная благодать!
Очень круто, что Полина
Так умеет колдовать!

Действительно «круто», ничего не скажешь...

Ну, и наконец, строки из стихотворений Галины Макаровой, которые так и просятся в пародии покойного ныне Александра Иванова. Без комментариев...

Прощай, инерция,
Паденье градуса!
Просила сердце я:
Давай жить радостно.

Я хожу сюда не за букетами –
Пробую осмыслить злобу дня.
Здесь одна я с батюшками светами –
Ветру, птицам, камушкам родня.

На овсяную кашку
Налегаю с утра.
Жизнь моя замарашка,
Ты глупа и мудра.

Не надо мне ни шляпки,
ни модного платья –
Могла бы лишь вволю бумагу марать я!

Выдающийся современный критик и литературовед Игорь Золотусский пишет:

«...Если кто-то идёт, видя за собой пустоту, тот и придёт в ту же самую пустоту. И это уже трагедия современной культуры и литературы. Но мне жаль и читателя. Грязь способна прилипать к одежде, от грязи зарождаются воспаления и инфекции, и, умножая грязь, мы умножаем болезни. Литература ужасно заразительна. Она в состоянии во сто крат увеличивать то, что берет из жизни. Мат на улице, мат на заборах, теперь мат в романах и повестях – это гибель языка, это гибель почитания предков. Мне скажут: такова жизнь. Но литература не должна сталкивать человека в яму. Поэт не могильщик, он поэт... ...Действительно, когда я прочёл три десятка книг авторов, я вам назову их, современных писателей, награждённых всяческими премиями, и блещущих на западных книжных ярмарках, то я увидел, что никакого духовного запаса для пути к идеальному там нет. А самое главное, что меня больше всего оскорбило – там нет совершенно любви.

Я нашёл там, пожалуй, одно сильное проявление чувств: это постоянно воспроизводящаяся, жалящая и убивающая ирония. Вот основной мотив декаданса конца двадцатого века и начала двадцать первого. Когда начинаешь по листочку собирать эту литературу, то видишь, что она вся заимствована и вторична, именно потому, что от земли, от жизни, от природы, от переживаний, от сердца ничего в неё не идёт. Все идёт из этих мертвых резервуаров, когда надо уничтожать, когда надо глумиться, тут и талант появляется. А когда надо восхищаться, преклонять колени, любить – таланта нет». (http://www.rospisatel.ru/zolotusskii.htm).

Добавить к этим словам нечего. Критик поставил убийственный диагноз не только столичной либеральной литературе, но и подражающей ей провинциальной. За разговорами об «альтернативной» вологодской прозе и поэзии на самом деле скрывается творческая беспомощность, эпигонство и откровенная графомания.

Виктор БАРАКОВ,
доктор филологических наук, профессор, член Совета по критике при Союзе писателей России

УРОКИ РУССКОГО

Тотальное – это не всенародное

У МОЕЙ деревенской бабушки была такая поговорка: «Дело – делай, да два – не гадь!» Сказано строго, но справедливо: если делаешь какое-то дело, то постарайся не навредить другим. Последние годы эта поговорка приходит мне на память весной, когда начинается кампания проведения «всемирного» тотального диктанта.

Ведь на первый взгляд, дело хорошее – обратить внимание тысяч людей на собственную безграмотность и призвать их к постижению русского правописания. Но, к сожалению, одновременно наносится вред культуре русской речи, поскольку предлагаемые из года в год для написания тексты притупляют языковое чутье к живому русскому слову. Думаю, что организаторы делают это неосознанно, а поэтому, уразумев собственный просчет, не обидятся на мою критику.

Во-первых, обратим внимание на название *«тотальный диктант»,* которое, благодаря масштабности мероприятия, широко распространяется в народе и делается привычным, входит в обычай, что крайне нежелательно. Слово *диктант* давно используется в школьной практике и само по себе нейтрально. А вот слово *тотальный* отнюдь не безобидно. Сравнительно недавно, в XX веке, оно было заимствовано из французского языка. Французское *total* соответствует русским словам *всеобщий, всеохватывающий* и произошло, в свою очередь, от латинского слова *totus,* что значит *весь, целый.* Таким образом, никакой необходимости в заимствовании слова *тотальный* не было: в русском языке соответствующие его значению слова есть. Получив распространение в газетных текстах, это слово сразу «полюбило» сочетаться с хищными и неприятными по содержанию словами: *тотальная война, тотальный контроль, тотальный надзор, тотальный запрет, тотальный досмотр, тотальный пересмотр, тотальный кризис, тотальный дефицит, тотальный недостаток, тотальный гнет, тотальный развал, тотальный страх, тотальный грабеж, тотальный обыск, тотальный хаос, тотальный деспотизм, тотальный шпионаж, тотальный разгром.* Этот вывод мы сделали на основе изучения данных Национального корпуса русского языка, размещенного в Интернете.

Таким образом, у слова *тотальный* появилось какое-то отрицательное эмоциональное поле. Это следовало бы учитывать организаторам всеобщего, всенародного диктанта и не называть его *тотальным.*

Однако действительно ли данное мероприятие является *всенародным*? Дело не только в количестве участников. Чтобы быть народным, текст диктанта должен был составлен писателем или публицистом, творчество которого известно народу и любимо народом. Действительно, с 2004 по 2009 год участникам предлагались для диктанта тексты писателей-классиков. Но потом ситуация резко изменилась. В 2010 году диктант был составлен хорошо известным писателем – Борисом Стругацким. Однако удивительно, как этот текст назывался – *«В чем причина упадка русского языка и есть ли он вообще?»* Кого хотел уколоть и кого рассмешить Стругацкий таким названием?.. Правда, в этом произведении, где автор рассуждает об извечно ущербном и циничном характере русского языка и об его постепенном исчезновении, он совершенно неожиданно в самом конце с пафосом заявляет, что русский язык, сильный, могучий, никогда не умрет. Такой прием называется на воровском жаргоне: *и концы в воду.*

После этого сигнала с 2011 года на поприще тотального диктанта вышла плеяда писателей так называемой новой формации: Дмитрий Быков (2011), Захар Прилепин (2012), Дина Рубина (2013), Алексей Иванов (2014), Евгений Водолазкин (2015). Это писатели – имитаторы русской речи и русской жизни. Об их творчестве не скажешь словами Пушкина: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». В понимании некоторых из них, визитная карточка русского языка – это мат, который в их произведениях звучит нередко. Кроме этого, эти авторы любят смаковать в художественной форме различные физиологические подробности, к которым у настоящих русских писателей нет творческого интереса. Да и читателям это противно читать. Всему своё место должно быть. К счастью, соответствующие матерные и физиологические отрывки из своих произведений они пока не предлагают для тотального диктанта.

Горькое чувство вызывает тот факт, что единомышленники организаторов тотального диктанта, в частности упомянутого выше Бориса Стругацкого, публично издеваются над теми, кто писал этот диктант и обнаружил свою безграмотность. Так, например, в бесплатной информационно-рекламной газете «ВА-БАНКЪ», которую без спросу забрасывают в каждый почтовый ящик, действительный член Международной академии общественных наук Михаил Скляр досыта посмеялся над результатами тотального диктанта и над русской безграмотностью в своей статье *«Истчо немного, истчо чуть-чуть...».*

Что же, видно, организаторы этой тотальной кампании взялись доказать правоту писателя-эмигранта Сергея Довлатова, который ещё в 1982 году в своей рецензии на книгу Наума Сагаловского «Витязь в еврейской шкуре» высказал мысль о том, что писатели новой формации «возвращают российской словесности забытые преференции – легкость, изящество, тотальный юмор». Довлатов даже сравнивает этого неизвестного в России малоталантливого поэта с Пушкиным.

Упаси нас, Господи, от такого тотального юмора!

Людмила ЯЦКЕВИЧ,
профессор,
доктор филологических наук